

Лёлик Киреева

Заложники судьбы

Лелик Киреева

Заложники судьбы

<https://litres.ru/74372272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Асоль никогда не считала себя героиней любовного романа. В свои сорок лет она — уставшая жена, мать двух дочерей-подростков и женщина, которая почти забыла, что такое мечтать. После скандала с мужем она оставляет записку и улетает на остров Чеджудо.

Она просто хотела тишины, но судьба распорядилась иначе.

На площади она случайно сталкивается с тридцати трех летним, высоким и красивым актёром Чу Ин Со. Их губы соприкасаются — всего на секунду, но этого достаточно, чтобы перевернуть жизнь. Он — звезда, который устал от масок и славы. Она — обычная русская светловолосая женщина, старше его на шесть лет, с разбитым сердцем и двумя детьми. Разница в возрасте, языковой барьер, давление родителей и прессы — всё против них.

Их история — об отчаянной смелости быть счастливой, о вторых шансах и о том, что ветер приносит любовь только тем, кто готов её принять. Это роман о взрослой любви, которая не знает границ, и о том, что никогда не поздно начать сначала.

Лелик Киреева

Заложники судьбы

Глава 1. Билет в никуда

Асоль

Она смотрела в окно на кухне и не обращала внимания на чайник, который уже третий раз закипал на плите, словно ничего не чувствовала. Ни раздражения, ни усталости. Пустота. На кухонном столе лежала недоеденная тарелка макарон с курицей старшей дочери, Лизы, 16 лет. Младшая, Аня, 12, громко слушала музыку в своих наушниках на диване и, даже не заметила, как мать выключила свет в прихожей.

Муж, Андрей, как всегда, задерживался на работе. Его работа была не особо тяжелой поскольку он работал сам на себя. Иногда ему не хватало денег чтобы оплатить за квартиру, но он находил деньги чтоб купить себе алкоголь. Каждый раз когда он возвращался с работы домой, она знала его слова наизусть: *«Что ты сегодня приготовила?»*.

Три года назад у неё диагностировали эмоциональное выгорание. Но тогда она лишь махнула рукой — думала, что это просто модное слово, которым оправдывают лень. Теперь она знала: это когда ты перестаёшь даже плакать.

В 39 лет она выглядела на 32 — стройная фигура, длин-

ные волосы, которые она привыкла собирать в пучок, но сегодня они рассыпались по плечам. Она подошла к зеркалу в коридоре и внимательно посмотрела на себя. Кто она? Мать, жена, повар, уборщица, психолог для подростков... где же Асоль?.... где же тут Я?

По новостям показывали остров Чеджудо, там было так красиво. Остров Чеджудо - главный производитель мандаринов и бананов. По всему острову расположены яркие поля цветущего рапса, превращающие местность в желтое море. *«Хочу побывать на острове Чеджудо»*, — прошептала она тогда. И забыла. Забыла о своей мечте.

В час ночи, когда все уснули, она села за кухонный стол и написала записку. Ровным, каллиграфическим почерком, каким писала когда-то стихи:

«Очень устала. Хочу побыть без вас. Не ищите. Я скоро вернусь. Надеюсь, вы поймёте. Люблю вас, но сейчас мне нужен воздух».

Она положила записку на холодильник, достала старый чемодан, швырнула туда пару платьев, джинсы, кроссовки, туфли на шпильке и планшет. В паспорте у неё была открытая годовая виза в Корею (она оформила её когда-то в надежде на командировку, которая не состоялась).

В 5 утра она уже сидела в такси по пути в аэропорт Шереметьево. Ей казалось, что сердце колотится где-то в горле. Она боялась, что остановится, но ноги сами несли её к стойке регистрации.

— Билет эконом-класса, Пусан, с пересадкой на Чеджудо,
— сказала она так чётко, как будто репетировала целый месяц.

И только когда самолёт оторвался от земли, она позволила себе выдохнуть. За иллюминатором московские крыши превратились в спичечные коробки, и она почувствовала, как с плеч сваливается невидимая глыба. Позади остались бесконечные скандалы из-за уроков, вечные просьбы сготовить поесть из полупустого холодильника, постирать белье потому что им не в чем ходить и запах перегоревшего утюга.

Она впервые за много лет была *одна*. И самое странное то, что это не пугало ее, а на оборот давало сил двигаться дальше. Не взирая на образы в голове и постоянные мысли о доме, она решительно шла к своей цели.

Чу Ин Со

В это же утро он стоял на балконе своего пентхауса в Сеуле. Высокий, с широкими плечами, которые с трудом вмещала белая майка, он смотрел на туман над рекой Ханган. Его лицо, с азиатским разрезом глаз и пухлыми губами, которые так любили рисовать папарацци, было непроницаемым.

Он был сыном знаменитого режиссёра Чу Чан Ука, чьи фильмы собирали «Оскары», и корейской актрисы Ли Со-юн, которая блистала на Каннских фестивалях. Его называли «золотым мальчиком» и «наследником». Но за его спиной

всегда маячила тень отца.

Каждое утро он открывал соцсети и читал: *«Чу Ин Со — сын своих родителей»*, *«Ему просто повезло с генами»*. Чтобы доказать обратное, он снимался в самых сложных драмах, делал свои трюки, худел до 55 кг и набирал массу снова. И всё равно — шлейф «сын миллиардера» преследовал его.

Вчера он закончил съёмки очередной дорамы, где играл бедного рыбака. Чтобы войти в образ, он неделю не брился, ходил в рваной одежде. А теперь продюсеры требовали срочного релиза, потому что его фанаты по всему миру устраивали флешмобы.

Он устал. Он мечтал побыть в тишине. О месте, где можно пройти без охраны, купить мороженое, как обычный человек, и никто не будет тыкать телефоном ему в лицо, чтобы заснять курьезный момент.

Его менеджер, вечно суетливый Пак, ворвался в комнату: — Ин Со, сегодня у тебя два интервью с представителями двух новостных каналов, потом фотосессия для обложки местными брендами, а вечером встреча с инвесторами по новому проекту. И, кстати, твой отец сказал, что хочет, чтобы ты сыграл в его новом проекте. Там, в Европе.

Ин Со закрыл глаза и подумал про себя. Отец опять решает за меня. Европа, Голливуд... а я хотел бы просто почитать книгу в парке, просто чтоб меня никто не трогал.

— Отмени всё, — тихо сказал он.

— Что?! — Пак едва не подавился кофе.

— Скажи, что я заболел. И убери охрану. Я хочу на неделю исчезнуть.

— Но куда ты?

— Не знаю. Туда, где меня не узнают. Например, Чеджудо. Там есть старые улочки, где местные не смотрят дорамы.

Он взял маленькую спортивную сумку, надел тёмные очки, низко надвинул кепку и вышел через служебный вход. В кармане лежала книга — последняя новинка корейского поэта.

Он не знал, что через несколько часов на том же острове, в том же городе, приземлится русская женщина с чемоданом, которая тоже ищет тишину и спокойствие.

Асоль на Чеджудо

Такси везло её вдоль побережья. Остров оказался ещё красивее, чем на картинках: вулканические скалы, оранжевые мандариновые сады и ветер, который пах морем и хвоей. Она сняла маленький номер в гостевом доме на окраине. Хозяйка, добродушная кореянка, улыбнулась и сказала по-английски: *«Вы выглядите уставшей. Отдыхайте»*.

Асоль оставила вещи и вышла на улицу, чтобы подышать свежим воздухом. Она шла по узкой улочке, заставленной местными кафешками, где пахло имбирём и жареным кальмаром. На углу она увидела площадь — маленькую, вымощенную камнем, с фонтаном в центре. Там былолюдно, но

она не боялась всей этой толпы. Впервые за долгие годы она чувствовала себя невидимкой, и это было ее освобождением.

Она подошла к фонтану, достала телефон — он вибрировал от сообщений мужа: *«Где ты? Мы волнуемся! Ответь!»*.

Как меня это все достало — сказала она и выключила телефон. Глубоко вздохнув она повернулась, чтобы пойти дальше. Новые эмоции переполняли ее. Она полностью отключилась от режима тревоги после полученных смс и перешла в режим пофиг на все.

И в этот момент кто-то врезался в неё сзади.

Чу Ин Со на той же площади

Он вышел из такси в центре города Чеджу. Здесь, в отличие от Сеула, никто не бегал за ним с камерами. Он был одет как простой обычный парень в простой льняной рубашке и рваных джинсах, а темные очки защищали его глаза от яркого солнечного света.

Он медленным шагом двигался к фонтану, разыскивая ту самую скамейку, где когда-то сидел его отец, когда снимал свой первый фильм по своей книге. В его руках была та самая книга. Он смотрел под ноги, перечитывая на ходу строчку из книги: *«Ветер помнит всех, кто искал покой»*.

Он поднял голову, чтобы свериться с рассказами по этой книге, и увидел напротив себя женщину. Она стояла к нему спиной, нежная фигурка в бежевом тренче, волосы развева-

лись на ветру. Она внезапно повернулась, и ему не хватило времени чтобы остановиться.

Их столкновение было мгновенным. Она потеряла равновесие, каблук соскользнул с мокрых камней, тело начало падать. Ин Со даже не подумал — он инстинктивно рванул вперёд, схватил её за талию, развернул к себе.

Она летела на него, он притянул её, и в эту секунду их губы встретились.

Это не был поцелуй. Это была молниеносная искра. Электрический разряд, от которого он напрягся всем телом. Его азиатские глаза расширились, он в первый раз за многие годы растерялся. Он давно так не прижимал к себе женщин. Последние годы он снимался в боевиках. Это прикосновение пробудило в нем много эмоций. Её губы были мягкими, тёплыми, и она пахла весной — совсем не так, как духи фанаток.

Он резко отстранился, помогая ей встать, и замер.

Она подняла свои красивые зелёные глаза, в которых плескалась такая усталость и одновременно такая жажда жизни, что у него перехватило дыхание.

— Извините, — сказал он на английском, и его голос дрогнул.

Поскольку она предварительно изучала обычаи Южной Кореи она сделала поклон в качестве извинения.

Глава 2. Бегство в никуда

Асоль

Она всё ещё чувствовала его губы на своих — это длилось какую-то долю секунды, но отпечаталось где-то глубоко внутри, в том месте, которое она считала мёртвым. Но сейчас не было времени на размышления.

Рядом с ними стоял парень с огромным фотоаппаратом и нагло улыбался, выкрикивая что-то на корейском. Асоль не понимала ни слова, но тон был насмешливым, почти торжествующим. Она инстинктивно отшатнулась от незнакомца, хотя он всё ещё держал её за талию.

— Что вам надо? — выпалила она на ломаном английском. — Кто вы такой?

Её глаза заматались: от лица мужчины к объективу, от объектива к людям, которые начинали оборачиваться на площади. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди и убежать без неё. Она сжала кулаки, пытаясь унять дрожь.

Ин Со смотрел на неё. Он видел панику в её зелёных глазах, видел, как она побледнела. Он сам был в шоке — не от столкновения, а от того, что её губы вызвали в нём то, чего он не чувствовал ни с одной партнёршей по съёмочной площадке.

Он быстро повернулся к папарацци и что-то резко сказал на корейском — возможно, угрозу или просьбу. Но тот лишь захохотал и продолжил щёлкать затвором.

Ин Со понял: если они останутся здесь, через час эта фотография будет во всех новостях. Его агент убьёт его, а личность этой женщины разнесут по таблоидам.

— Почему вы молчите? — снова крикнула Асоль, и её голос дрогнул.

Он сделал шаг к ней, схватил за запястье — крепко, но не больно. Его лицо было напряжённым, пухлые губы сжались, а в азиатских глазах мелькнула паника, которую она сразу распознала. Он тоже боялся.

И он заговорил на корейском — быстро, горячо, будто умолял:

«Если ты уйдешь сейчас, завтра твое лицо будет в каждом паблике. Давай хотя бы сделаем вид, что мы знакомы».

Она не поняла ни слова. Но по его жестам — как он указал на камеру, потом на неё, потом на себя — до неё дошло: это какой-то скандал. Он знаменит? Она пыталась вспомнить, видела ли его где-то, но мозг отказывался работать.

Вдруг он отпустил её и сделал шаг назад, разводя руками, будто предлагая выбор. Асоль посмотрела на парня с камерой, который уже набирал номер на телефоне, затем на этого незнакомца. Она не знала, кому верить, но интуиция подсказывала: этот мужчина не враг. Он просто такой же растерянный, как она.

И тогда она сделала то, что никогда бы не сделала в Москве. Она шагнула к нему, взяла его за руку — ладонь оказалась широкой и горячей — и, не говоря ни слова, по-

тянула за собой прочь от фонтана.

Он не сопротивлялся. Они побежали по узким улочкам, лавируя между туристами и торговцами мандаринами. Ветки оранжевых деревьев хлестали по лицу, но Асоль не останавливалась. Она слышала за спиной крики папарацци, но те отстали — слишком много поворотов.

Они остановились только когда оказались в маленьком внутреннем дворике, скрытом от посторонних глаз. Здесь росли кусты гибискуса, стояла скамья, а с потолка свешивалась старая керамическая лампа.

Асоль отпустила его руку и согнулась пополам, пытаясь отдышаться. Он стоял рядом, дыша ровно — спасибо спортивной подготовке.

— Где мы? — выдохнула она.

Он молчал. Тогда она достала телефон — он уже не вибрировал, муж, видимо, сдался — и открыла приложение-переводчик. Набрала по-русски: *«Кто ты? Почему за нами гнались?»*, перевела на корейский и протянула ему.

Он взял телефон, прочитал, улыбнулся — впервые за всё время — и напечатал ответ на корейском, который перевёлся на русский:

«Меня зовут Чу Ин Со. Я актёр. Тот человек — папарацци. Он хочет продать наше фото. Извините, я случайно врезался в вас. Вы не пострадали?»

Асоль прочитала и почувствовала, как земля уходит из-под ног. Актёр? Значит, этот красивый, накачанный парень с

азиатской внешностью — звезда. И она, простая московская мать двоих детей, только что *поцеловалась* с ним случайно, и теперь их снимают.

Она нервно засмеялась — истерично, но в этом смехе не было злости, только растерянность. Она снова напечатала. *«Я туристка. Я не знаю языка. Я сняла комнату в гостевом доме недалеко отсюда. Не могли бы вы проводить меня? Я боюсь идти одна».*

Ин Со прочитал. Он почувствовал, как в груди что-то сжалось. Эта женщина, которая только что спасла его от скандала, которая, сама не зная, дала ему ощущение реальности, теперь просила помощи. Он посмотрел на её лицо — красивое, худое, с тенью усталости под глазами. И он понял, что не хочет отпускать её.

Он кивнул и написал: *«Конечно. Покажите адрес».*

Они шли по вечернему Чеджудо. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в персиковые и лиловые тона. Асоль чувствовала себя странно: с одной стороны, она боялась, что за ними следят, с другой — этот незнакомец шёл рядом, и почему-то с ним было спокойно.

Когда они дошли до гостевого дома — двухэтажного здания с черепичной крышей и садом из мандариновых деревьев — хозяйка, та самая приветливая корейка, вышла на крыльцо. Она узнала Ин Со мгновенно — её глаза расширились, и она чуть не выронила лейку.

— Омма! — воскликнула она, кланяясь.

Ин Со улыбнулся, сказал несколько фраз на корейском, и лицо хозяйки расплылось в счастливой улыбке. Асоль ничего не поняла, но слышала только, как он спросил: есть ли свободная комната.

Хозяйка закивала и затараторила, показывая на второй этаж. Через пять минут она уже оформляла заселение для него.

Асоль стояла в холле, и ждала когда оформиться Ин Со, и не верила своим глазам. Она прилетела на остров, чтобы скрыться от своей жизни, и в первый же день столкнулась с корейской звездой, которая теперь будет жить через стенку от неё.

Он подошёл к ней, чуть склонил голову, и через переводчик выдал:

«Простите, что так вышло. Я просто хотел тишины, как и вы. Может быть... мы можем помочь друг другу?»

Асоль не знала, что ответить. Она лишь кивнула и улыбнулась — и впервые за много лет её улыбка была настоящей.

Она взяла телефон, открыла переводчик и напечатала:
«Я не знаю, как мы можем помочь друг другу. Я здесь, чтобы на время забыть про свою жизнь. А ты — чтобы спрятаться от своей. Наверное, мы просто два беглеца».

Он прочитал и улыбнулся — открыто, по-мальчишески, и эта улыбка сделала его моложе и проще.

— Чай? — спросил он вслух, показывая жестом на маленькую гостиную внизу, где стоял электрический чайник и

стояли чашки. — Кофе?

Асоль поняла. Она кивнула, хотя внутри всё сжималось от волнения. Она не разговаривала с незнакомцами наедине уже... боже, сколько лет? Десять? Пятнадцать?

Они спустились в гостиную. Хозяйка уже ушла на кухню, оставив их наедине. Ин Со жестом показал ей на мягкий диван у окна, а сам принялся заваривать зелёный чай с жасмином. Движения у него были плавными, уверенными — он явно привык заботиться о себе.

Когда он поставил перед ней дымящуюся чашку, Асоль почувствовала запах цветов и свежести. Она прижала ладони к тёплому фарфору и вдруг осознала, как давно никто не делал для неё ничего просто так.

Они сидели друг напротив друга. Тишина была неловкой, но не тягостной. Ин Со достал свой телефон, открыл тот же переводчик и начал печатать, периодически поглядывая на неё.

Он протянул ей экран:

«Мне жаль, что я врехался в тебя. Я просто смотрел на фонтан и не заметил. Ты не ушиблась?»

Она прочитала и рассмеялась — тихо, отрывисто.

— Нет, — сказала она по-английски, а потом добавила в переводчик: *«Всё в порядке. Но, кажется, это был самый неожиданный поцелуй в моей жизни».*

Он прочитал и покраснел. Асоль заметила, как его уши слегка порозовели, и это её удивило. Такой известный актёр,

а смущается как подросток.

Он напечатал: *«Прости, если это было неуместно. Это случайность. Но...»* — он запнулся, потом удалил и написал заново: *«Но я не жалею об этой случайности»*.

Асоль почувствовала, как щёки заливают краской. Она быстро взяла чай, чтобы скрыть смущение, и сделала глоток. Чай оказался нежным, с лёгкой сладостью.

Они начали разговор — медленно, через переводчика, но с каждым вопросом становилось всё легче. Она спросила, как долго он будет на острове. Он ответил, что у него неделя отпуска, которую он выпросил у агента. Она сказала, что тоже на неделю — но не знает, что делать.

«Я никогда не была в Корее, — написала она. — Я даже не знаю, куда идти».

«Я могу показать тебе, — ответил он мгновенно. — Я бывал здесь много раз, здесь снимали фильмы моего отца. Есть места, где нет туристов. И никто не будет нас фотографировать».

Она подняла глаза от экрана и встретила с ним взглядом. В его глазах не было игры — только искренность и какая-то детская надежда.

— Ты серьёзно? — спросила она вслух, не веря.

Он кивнул и показал большой палец вверх.

Асоль задумалась. Она приехала сюда, чтобы быть одной. Но сейчас, сидя напротив этого незнакомца, который смущался и улыбался, она почувствовала, что одиночество —

не то, что ей нужно. Ей нужно было, чтобы кто-то смотрел на неё так — как на женщину, а не как на мать или жену.

«Хорошо, — напечатала она. — Но только если мы будем держаться подальше от людей. Я боюсь скандалов».

«Я тоже, — ответил он. — Договорились? Завтра в 9 утра я буду ждать тебя внизу. Приходи в удобной обуви — у нас будет много ходьбы».

Она улыбнулась и кивнула.

Они допили чай, и наступила тишина — но уже не напряжённая, а тёплая, как тот жасминовый напиток. Асоль поднялась, чтобы идти к себе, но в дверях остановилась.

Она обернулась. Он стоял у окна, и лунный свет падал на его широкие плечи. Она набрала на телефоне одно предложение и показала ему:

«Спасибо тебе. За чай. И за то, что не дал мне упасть».

Он прочитал и улыбнулся той улыбкой, которая, как она уже поняла, была только для неё.

Асоль поднялась в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Она посмотрела на телефон — там было 20 пропущенных от мужа и 10 от дочерей. Она вздохнула, села на край кровати и поняла: больше откладывать нельзя.

Она набрала номер мужа. Тот ответил после первого гудка.

— Асоль! Ты где?! Мы тут с ума сошли! — голос Андрея был хриплым от волнения и злости.

— Андрей, я в Корее. На острове Чеджудо. Я оставила записку, — сказала она ровно, стараясь не дрожать.

— Какая записка?! Ты что, сбежала из дома? А дети? Они плачут! Лиза сказала, что ты бросила нас! — он кричал, и она слышала, как в трубке плачет младшая, Аня.

У Асоль сжалось сердце. Она зажмурилась, сделала глубокий вдох и сказала спокойно, но твёрдо:

— Андрей, я не бросила вас. Я устала. Я устала быть роботом, который готовит, убирает, выслушивает твои вечные «где еда, почему так грязно». Я устала от того, что никто не видит во мне женщину. Мне нужно побыть одной. Всего неделя. Я прошу тебя — дай мне эту неделю.

В трубке повисла тишина. Потом она услышала, как Аня выхватила телефон у отца и закричала:

— Мама! Как ты могла?! Мы хотели пойти в кино! Ты нас оставила!

Асоль закрыла глаза, представляя лицо дочери. Ей хотелось плакать, но она взяла себя в руки.

— Анечка, я люблю вас. Очень люблю. Но мама тоже человек. Я вернусь через неделю, и мы всё обсудим. Я позволю вам когда соберусь домой. А сейчас дайте мне отдохнуть. Пожалуйста.

Она услышала, как в трубке всхлипывает Лиза, старшая, которая всегда была более сдержанной. Лиза сказала только одно:

— Мам... ты где? Ты в безопасности?

— Да, дочка. Я в гостинице. Всё хорошо. Я скоро Вам перезвоню. Договорились?

— Хорошо... — тихо ответила Лиза. — Мы тебя ждём.

Асоль положила трубку и почувствовала, как по щекам текут слёзы. Но они были не от боли — от облегчения. Она впервые в жизни сказала правду о своих чувствах. Просто в один момент ее жизнь кардинально поменялась. Она все таки решила сама сделать первый шаг на встречу своей судьбе.

Ей всего 39 лет. Она мать двух девочек-подростков. Она устала. Но сейчас, в этой маленькой комнате на краю света, она впервые за долгие годы чувствовала, что жива.

Она встала, достала из чемодана мягкий халат и пошла в ванную комнату. Там была большая ванная комната с окном в пол, посередине комнаты стояла белая ванна, рядом на тумбочке у зеркала стояли свечи, а на краю лежали ароматические соли — хозяйка явно позаботилась о гостях.

Асоль включила горячую воду, насыпала соли с запахом лаванды и погрузилась в неё. Она закрыла глаза и позволила себе просто быть — не матерью, не женой, не сотрудницей. Просто Асоль, просто свободным человеком. Наслаждаясь каждой минуткой проведенной на едине самой с собой.

От перелета и пережитого момента она заснула в ванне, и проснулась от того что стала замерзать. Она включила горячий душ, чтобы немного согреться. Вся комната покрылась паром, будто она находится в хамам. Когда она вышла, кожа горела, но внутри было спокойно.

Она надела халат, залезла под тонкое одеяло и выключила свет. За окном было слышно, как шумел океан и как ветер шевелил мандариновые ветви.

Она закрыла глаза и провалилась в глубокий, тихий сон — такой, какого у неё не было уже много лет.

Глава 3. Язык, который не нуждается в переводе

Утро

Асоль проснулась от солнечного света, пробивающегося сквозь лёгкие занавески. Впервые за много лет она не слышала будильника, не слышала криков дочерей и ворчания мужа. Только шум океана где-то вдалеке и пение птиц за окном.

Сквозь приоткрытую створку в комнату wpłyвал солёный морской бриз, смешанный с терпким ароматом мандариновых деревьев — они росли прямо под окнами, их ветви тяжело клонились к земле под тяжестью оранжевых плодов. Где-то в ветвях щебетала незнакомая птица с ярко-синим хвостом, и её трель сливалась с мерным дыханием прибоя, который накатывал на вулканические скалы в сотне метров от дома. Вдалеке виднелась гряда зелёных холмов, покрытых пятнами диких цветов — жёлтых, как солнечные зайчики, и лиловых, напоминающих южный закат. Лёгкий ветерок иг-

рал с занавесками, заставляя их танцевать в такт утренней симфонии, и в этом движении было столько покоя, что Асоль показалось, будто она попала в другой мир — мир, где время течёт медленнее, а воздух можно пить, как нектар.

Она улыбнулась и потянулась, чувствуя, как каждый сантиметр её тела наполняется этим волшебным утром.

Она села на кровати, спустила ноги на пол и ощутила прохладу деревянного покрытия. В комнате пахло морем, мандаринами и утренней свежестью. Она подошла к окну и раздвинула занавески шире. За стеклом открывалась панорама, от которой захватывало дух: бескрайний океан переливался бирюзой и лазурью, а по его поверхности бежали белые барашки волн, разбивающихся о вулканические скалы. Внизу, в саду, хозяйка уже поливала цветы, и струи воды сверкали в лучах солнца, создавая крошечные радуги. Где-то вдалеке слышался звонкий смех детей, а над головой кружили чайки, пронзительно крича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.